

Вячеслав ЛЮТЫЙ

ПО РАВНОВЕЛИКИМ КРАЯМ МАТЕРИНСКОЙ ЗЕМЛИ

Вячеслав Дмитриевич Лютый родился в 1954 году в городе Легница Польской Народной Республики. Окончил Воронежский политехнический институт, Литературный институт им. А.М. Горького. Литературный критик, публицист, председатель Совета по критике Союза писателей России. В настоящее время – заместитель главного редактора журнала «Подъём». Лауреат премии Общественной палаты Воронежской области «Живые сокровища славянской культуры», премии журнала «Подъём» «Русская речь» (2004), премий журналов «Ковчег» (2008), «Русское эхо» (2009). Член Союза писателей России. С 2016 года – ведущий рубрики «Литературная критика» журнала «Гостинный Дворь». Живёт в Воронеже.

*Я никому и дежды не прод ю –
т к отд ю. Ост лось ещё чуть-чуть.*

Андрей Расторгуев

Стихи екатеринбургского поэта Андрея Расторгуева несут на себе достаточно явственный отпечаток стиля. В нынешнее время, когда стилевые особенности лирического письма зачастую подменяют собственно содержание поэтического высказывания, глубоко прочувствованного автором и лично окрашенного, — это обстоятельство, в отличие от прошлых литературных десятилетий, скорее настораживает, нежели привлекает: обман сочинителей-версификаторов в последние годы стал слишком частым. Однако острота зрения поэта и его способность видеть в густоте примет и деталей самую важную для него черту отодвигает в сторону прецеденты «поэтического иллюзионизма» и заставляет читателя поверить, что сейчас потаённый

разговор будет вестись всерьёз и безо всякой пощады по отношению к *alter ego* автора.

Стилевая поэтическая походка Андрея Расторгуева берёт начало в устной речи. Здесь нередко так же скрадываются промежуточные слова, и сообщается сразу о главном: «...не говорим, как пишем — а пишем, как говорим...». В таком поэтическом приёме присутствуют свойства эллиптической организации письма и синтаксического целого — но это, конечно, уже рациональные качества лирики Расторгуева. Куда важнее не фиксация языковых приёмов, но сама внутренняя мотивация такого построения стихотворного наблюдения или рассуждения. И вот тут очевидно, что дистанция между автором и читателем уже определена заранее органическим «устройством» голоса поэта. Перед нами разговор людей, взаимно понимающих и думающих похоже. Но не задушевных друзей, а скорее единомышленников. Потому у Андрея Расторгуева нечасто встретишь исповедальные строки: наиболее близок автору он сам, и признания лирического героя адресуются себе же. А читатель — свидетель происходящего и возможный судья. Но одновременно — товарищ, который поймёт и протянет ближнему дружескую руку.

В стихах Расторгуева чрезвычайно распространена консонансная рифма. Автор почти всегда

включает в неё новый смысловой импульс, который выводит прежде сказанное на иную высоту. Консонансная рифма здесь — это и вариация поэтического звука, и дополнительный оттенок смысла, который «держит» как целое слова стихотворения, сообщая строке энергию и волю. В применении такой стиховой практики видно желание автора отойти от гармоничного сочетания элементов поэтического рассказа, что, в свою очередь, наводит на мысль о душевном изломе, скрытой трещине в душевном устройстве лирического героя. И прежде всего — это отпечаток его принадлежности к современным дням, когда согласие в отношениях, в созерцании, в рассуждении кажется почти недостижимым.

Но, как будто подсознательно ощущая некий тревожащий душу ракурс, возникшую дистанцию в собственном восприятии гармонии, — в развитии сюжета Андрей Расторгуев старается закрыть эту «трещину» всем существом своим, всем остатком любви своей к земному миру. Неслучайно в стихах его новой книги «Земля крылатых яблонь» наряду с парадоксальными образами и сближениями есть вечные акценты, которые остаются в сознании и в сердце человека как изначально ему принадлежащие — они пропадут только с исчезновением его самого. Впрочем, в природе всё останется, но нас это

обстоятельство уже никоим образом касаться не будет...

Речь о весне, о циклическом обновлении, а в бытийных координатах — о пасхальном Воскресении Спасителя:

*Пор н деть иные вещи н м —
земн я т ет седин .
Явил сь вновь н Бл говещенье
бесповоротн я весн .*

*Бесповоротн я, беспутн я —
к кие, к лешему, пути,
когд вод летит пробудн я?
Ни переплыть, ни перейти...*

*Сошествие — не снисхождение,
когд по кругу, д не вспять
рождение и возрождение
соединяются опять.*

Расторгуев видит пасхальные знаки во временах года — поднимаемая смысл и не отрицая естество. По-весеннему у него происходит борьба «между яростным светом и тенью». Примечательно вот что. Наряду с присущей поэту сдержанностью речи и даже некоторой её «суховатостью», в иных сюжетах у Расторгуева ткань стиха словно прорывает природная эмоциональность, когда человек просто не может не оценить могучие проявления стихии. Вместе с тем автору свойствен и иной путь. Его поэтический взгляд может следовать от Огня у Гроба Господня — к этапам жизни, к зрелой мысли и зрелому чувству, то есть к нашему телесному присутствию в мире. Соединить

далеко отстоящие предметы — умение редкое, тем более соединить протяжённо, в лирическом рассуждении, а не в мгновенном образе-искре.

*По р вновеликим кр ям
м теринской земли,
н волю ветров пол г ясь
и вышнюю волю,
порой молодую мы тоже
з жгли — и сожгли
стр стей и жел ний немереных
добрую долю.
Но смысл з видов ть нынешней
юности нет,
без точки стр ниц , не время
ещё устр ниться —
не молниеносный и
не ослепительный свет
яснее горит и ровней н дорогу
струится.*

*Души не тр ви и смятенного
сердц не рви.
Кто истинно вед ет: вечное —
не з гор ми,
поймёт, сколько в ярое пл мя
доб вить любви,
чтоб и м ловерные лиц ми
не обгор ли.*

Надо сказать, что стремление сопрягать далёкое и близкое — для поэзии свойство почти родовое. В одном случае это проявляется едва заметно, как будто на уровне акварели, в другом — подчёркнуто и колко, словно являя собой «лирическую смелость» автора. У Андрея Расторгуева, кажется, все вещи равновелики и находятся в пределах

прямой досягаемости. Однако это не черта тайного демиурга, но примета частицы мира, которая равноправна со всеми иными его частицами и в состоянии быть с ними рядом, а порой и заменить их в случае надобности.

Поэт пронизает поколения и эпохи, культурные слои и языковые пласты, житейское и одухотворённое — и нигде не выглядит ряженым странником, а предстаёт вовлечённым в бытие человеком, который всякий раз находит верные краски и слова, дабы передать наиважнейшие оттенки события и облик его участников. В одном из стихотворений автор как бы «проговаривается», обозначая то, что движет им изнутри: «Это тяга к земле, а не в землю...». Признание звучит в памяти и накрывает своими отголосками другие сюжеты и картины.

Чувство пространства и чувство земли, изменчивой и прекрасной, насыщают стихи Расторгуева. И он, как будто осязая движение времени, прикрепляет эти чувства к живому окоёму, в котором сам находится, проживая свой век. Ориентиры и приметы Небесные для автора, несомненно, важны — однако всё вышнее в его стихах так или иначе отдалено от лирического героя. Видны незримые силовые линии, которые притягивают человека к Небу. Но всякий раз в интонациях Расторгуева при разговоре о «высшей инстанции» неуловимо присутствует явственно ощущаемое расстояние

между земным поступком, земной душой — и непостижимым законом, которому подчиняется мировой распорядок. Можно сказать, что поэт со скрытой горечью поверяет Небо простой жизнью. Иной раз — рационально, житейски: сердце тянется к сокровенному и святому, а ум, подобно Фоме неверующему, стремится найти реальные воплощения Царства Небесного. Тем не менее, сочетание «плотного» и «тонкого», пройдя проверку душевную и художественную, порой претворяется у Андрея Расторгуева в удивительные образы, развёрнутые текстуально и опрокинутые в русскую природу, русскую историю и русский характер.

*Дождя и нгел в дорогу.
Дорог мокр я — т к что ж?
Езж ѝ пор ныше, понемногу,
не превыш ѝ — н то и дождь.*

*А после в воздухе высоком
под п волокой голубой
следящий ястреб или сокол
крыл р спр вит н д тобой.*

*Но ты недоброю приметой
не почит ѝ их зоркий труд —
то нгелы н с эст фетой
из клюв в клюв перед ют.*

Постоянно в стихах всплывают подобные подтверждения его привязанности к родной почве: «жить, не тужить о чужой земле — хоть бы и лес валить»; «по открытому минному русскому полю не

Драматургия поэтических сюжетов у Андрея Расторгуева охватывает устройство мира и взаимоотношения мужчины и женщины, несовпадение важнейших смыслов земли и Неба, едва ли не противостояние собственной молодости и зрелости. Здесь неизменно присутствует глубинное чувство рода, а временами — внимательный и отстранённый взгляд на холодный запад. И всякий раз в интонации автора проявляются мужская воля и сознание собственной ответственности за родное и близкое. Мысль не гасит чувство, но как бы обручается с ним посредством филигранного художественного образа. Порой само течение лирического рассказа у поэта вовлекает в поле зрения и слуха, кажется, необязательные вещи: звук или сочетание слов представляются слегка нарочитыми. Но всегда последние строки стихотворения объёмно и точно заключают движение событий и картин.

*А возвр щ ется крупиц ми...
Но сл дкой ж лости не тр ть.
Ирг испробов н птиц ми —
пор и н м пособир ть.*

*Пуск й летят н ягоды они —
неисчерп ем летний с д,
пок рож ют н ши яблони
и женицины плодоносят.*

Андрей Расторгуев в поэтическом поле — фигура достаточно одинокая. Его слегка суховатая речь, умение пробовать на излом строку, парадоксальное соединение вещей взаимно далёких, высокая культура стиха, впитавшая в себя наработки прежних литературных эпох, — всё это делает Расторгуева узнаваемым и разительно непохожим на коллег по лирическому цеху. Герой его стихотворений — человек рубежа тысячелетий, в котором почва и цивилизация соединились особым, причудливым образом. В нём не найти согревающих душу упований на завтрашний день, в котором возобладает справедливость и правда. В каком-то смысле его лирический герой — человек изверившийся. И всё-таки, не отделяя себя от многострадального и стоического русского мира, интуитивно чувствуя дыхание Истины, поэт уже поэтому оказывается частью общей надежды на лучшее — хотя бы и противореча порою самому себе.